

В ЭТОМ НОМЕРЕ 12 СТРАНИЦ.

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 476

16 JUILLET 1954

Les Nouvelles Russes

Выходит по пятницам

10-й ГОД ИЗДАНИЯ
Dixième Année.

Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

40 frs

ОСНОВАТЕЛЬ А. Ф. СТУПНИЦКИЙ

Адрес Редакции и Конторы : 16, rue du Croissant — PARIS 2 — Tél.: CEN. 44-27.

Fondateur A. Stoupnitzky

От „Чайки“ до „Вишневого сада“

7 ЯНВАРИ. 1904 г. в Московском Художественном театре шел впервые «Вишневый сад». Это был не совсем обыкновенный спектакль. Каждая постановка Художественного театра воспринималась своего рода событием, но на этот раз была драма Чехова. Чехов был не только знаменит в Москве, но и в Петербурге, где он так же любил. Все знало, что он тяжело болен, что врачи лишь с трудом разрешали ему прожить зиму в любимой Москве, что артисты будут играть не только для публики, но и для него самого. 17 января было днем его рождения и именин, днем двадцатипятилетия его литературной деятельности, и москвичи были тронуты этим знаком внимания к любимому автору со стороны театра, выбравшего эту дату для первой постановки его пьесы. Подготавливали и в предвечерней обстановке, хотя официально оно объявлено не было.

Чествование, действительно состоявшееся. Как рассказывают те, кто участвовал в организации, Чехов, узнав о готовящемся торжестве, решительно отказался принимать в театр, и уже во время спектакля, когда определялся очередной успех пьесы, из Чеховых на его квартиру на Троцкой, в доме Корвинки, был командирован некий актер в пижаме Вишневецкий. Он уговорил Анто на Павловича поехать в театр и почти насильно закрутил его в шубу и усадил в сань.

Когда на сцене, окруженный артистами и разодетыми театральными знаками, знакомая всем фигура со слегка закрученной головой, артист, как один появившийся с мест несколько минут аплодировали ему. Смертельно бледный, все время покачиваясь, Чехов стоял, опираясь рукой о кресло. Начались обеспокоенные прикосты, которые он слышал со своей обычной улыбкой. Иногда, как рассказывают присутствующие на сцене, у него появлялось выражение удивления, которое указывало, что он подумал, что то смешное. Один из ораторов обратился к нему с трафаретной фразой: «Дорогой, многоуважаемый Антон Павлович!». Вероятно, в этот момент Чехов вспомнил, что именно такими же словами начинал в его пьесе незадолго до того свое знаменитое обращение к Ивану Гавриловичу: «Дорогой, многоуважаемый Иван!». Он едва заметно подмигнул Немировичу.

Но были и другие моменты во время этого чествования. Во время одной из речей Чехов судорожно закашлялся. Он прижимал платок к губам, отворачивался, видимо безграмотно смущенный и огорченный этим своим недугом. Оратор приостановился. Из зала раздались восклицания: «Сядьте! Сядите!», Антон Павлович. Отдохните... Но Чехов, сиречь вышедший с приступом кашля, сесть не пожелал.

Самой значительной на этом чествовании была, конечно, речь Немировича - Данченко. Видимо глубоко и искренно извлеченный, он говорил, обращаясь не только к знаменитому автору и публике, но и к близкому другу.

«Наш театр», сказала тогда Немирович - Данченко, «в такой степени обязан твоему таланту, твоему поэтическому, твоей чистой душе, что ты по праву можешь сказать: это мой театр, театр Чехова».

Много позже, уже в 1929 году, при возобновлении постановки «Трех сестер» в Художественном театре, в своей вступительной речи перед началом репетиций, обращаясь к участникам спектакля Немирович - Данченко, напомнил молодым художественникам об этой связи Чехова с театром.

«Мы будем работать над пьесой автора», — сказал он, — «который является как бы создателем нашего театра — во всяком случае, соучастником в создании искусства Художественного театра. Все мы знаем, что театр наш назывался в свое время «театром Чехова»; знаете, что эмблема «Чайки» на нашем знамени символизирует, для нас наше творческое начало, нашу видимость в Чехова, его громадную роль в МХТ».

Эта эмблема, вышитая на за-

навесе Художественного театра — стилизованная чайка — действительно оказалась лучшим символом связи Чехова с театром. И трудно сказать, кто из них дал больше один другому. Именно постановка чеховской «Чайки» на сцене Художественного театра (после несчастливого провала в Александринском театре в Петербурге) вскрыла все обаяние Чехова, как драматурга, и тот же спектакль с особой яркостью показал те качества нового молодого театра, которые со златом ему мировую славу и сделали его не только первым русским драматическим театром, но единственным в своем роде во всем мире.

Первые опыты

Между тем, дебютировал Чехов в качестве драматурга не в Художественном театре. В театре вообще он имел отношение с самых ранних лет. Осталось много воспоминаний близких ему людей о том, как в детстве и юности он писал импровизированные с братом пьесы. Как и Тургенев, уже начал «пописывать» со своим братом, и посещал их брату Александру, жившему в Москве, чтобы тот почитал их на сцену. Сравнительно недавно, уже после революции, в одном из московских архивов была найдена такая пьеса Чехова «Безотцовщина», написанная им еще в юности.

Первой его пьесой, увидевшей свет, была драма «Иванов». Впервые она была поставлена в московском театре Корвинки 19 января 1887 года. Успех она имела сомнительный.

«Театра на товарищ», писал об этом спектакле Чехов своему брату Александру, «это никогда не видел в театре такого брожения, такого всеобщего аплодисмента — писания, и никогда в другое время им не приходилось слышать столько споров, какие видели и слышали они на моей пьесе».

Иванов, повидимому, относился не только к пьесе, но и к исполнению.

«Корну», писал дальше Чехов, — «когда мне десять репетиций, а дал только 4, из которых репетициями можно назвать только две, но остальные две изобразили из себя турпир, на которых артисты упражнялись в словоблудии и брани. Роль знала только Домаша и Глама, а остальные играли по суфлеру, и по внутреннему убеждению... Киселевский, на которого я возлагал большие надежды, не сказал правды ни одной фразы. Буквально ни одной. Он говорил свое».

Второй большой пьесой Чехова была «Леший», которую он написал через два года после «Иванова» и отдал на постановку Абрамовой (жене Мамина - Сибиряка), которая организовала тогда новый драматический театр. Пьеса была встречена полным равнодушием публики и единодушно — отрицательно критикой. Позже Чехов коренным образом переработал пьесу и выпустил ее под названием «Дядя Ваня». (Сам Чехов, впрочем, не любил, когда говорили, что «Дядя Ваня» есть переделка «Лешего», и утверждал, что это две самостоятельные вещи). «Дядя Ваня» шел даже некоторое время в провинции — Немирович - Данченко вспоминает, что видел его в Одессе на сцене театра Соловцова: это был очаровательный буднично-спектакль. Чеховская драматургия еще не родилась.

„Редкий в истории театра провал“

Родилась она много позже, через семь — восемь лет. Роды были тяжелые, мучительные, и жизнь ей спас Художественный театр.

В 1896 году Чехов закончил свою третью большую пьесу — «Чайку». Перед тем, обескураженный неудачей своих первых пьес, он совсем было отказался пробовать свои силы в качестве драматурга. Но он был уже дру-

жен со многими театральными деятелями, в частности с Южаниным - Сумбатовым и Немировичем - Данченко (входившим тогда в репертуарный совет Малого театра). Как вспоминает Немирович - Данченко, «Чайку» Чехов написал именно по их совету и настоянию. Увы, и этот опыт по началу казался неудачным. Когда Чехов дал прочесть пьесу знаменитому тогда актеру Малого театра Ленскому, тот ответил ему письмом, в котором были такие строки:

«Вы знаете, как высоко я ценю ваш талант, и знаете, как вообще люблю вас. И именно поэтому я обязан быть с вами совершенно откровенен. Вот вам мой самый дружеский совет: бросьте писать для театра. Это совсем не ваше дело».

Дальнейшая судьба «Чайки» очевидна. После отъезда Ленского Чехов решил ответить пьесой в Петербург и отдал ее в Александринский театр. Там она жестоко провалилась.

«Это был один из редких в истории театра провалов», вспоминает Немирович - Данченко.

«С первого же действия у публики не вызвали связи, со сценой, не было общего тона. Самые поэтические места принимались со смехом. Великолепный монолог Ирины: «Люди, люди, орлы и коронники...» слышался, как скучный курсак... Когда в драматическом финале, после выстрела из сцены, самоубийства Тренкина, Дорн, чтобы не пугать Аркадия, говорит: «Ничего, ничего, это дошла банка с опилом» — публика разразилась хохотом».

Сам Чехов об этом спектакле, в своем письме родным, рассказывает так:

«Пьеса провалилась и провалилась с треском. В театре было тяжелое напряжение, недоумение и посмех. Актеры играли грустно, глухо. Отсюда мораль: не следует писать пьес».

Воскрешенная „Чайка“

Он, действительно, не писал бы больше, если бы на его пути не встал только что зарождавшийся тогда Художественный театр.

Первой постановкой театра, как известно, был «Царь Федор Иоаннович» Алексея Толстого. Но одно из писем Немировича - Данченко, написанное в апреле 1898 года, г. е. еще до открытия театра свидетельствует, что уже тогда был поднят вопрос о провале пьесы «Чайка». Поднял его Немирович.

«Ты, конечно, уже знаешь», — писал он Чехову, — «что я попала в театральное дело. Пока что, первый год мы с Алексеем создаем исключительно художественный театр. Для этой цели нам слят «Эрмитаж» (в Каретном ряду). Намечено к постановке «Царь Федор Иоаннович», «Шейлок», «Юлий Цезарь», «Ганзелет», несколько пьес Островского и лучшая часть репертуара (общества искусства и литературы). Из современных русских авторов я решил особенно культивировать только талантливейших и недостаточно еще понятых; Шпагинский и Невежинский у нас делать совсем нечего. Немирович и Сумбатовы довольно понятны. Но вот тебя русская театральная публика еще не знает. Тебя надо показать так, как можешь показывать только литератор со вкусом, умевший понять красоты твоих произведений — и в то же время умевший режиссер. Твоими я считал себя. Я задался целью указать на дикую, по моему, изобретения жизни и человеческой души в произведениях «Иванов» и «Чайка». Последняя особенно захватывает меня, и я готов отпечатать чем угодно, что эти скрытые драмы и трагедии в каждой фигуре пьесы при умелой, добротной, чрезвычайно добросовестной постановке захватят и театральную залу... Оставшаяся от твоих размышлений».

Чехов не сразу понимал, что это не был пустой разговор. В течение месяца он обменялся четырьмя письмами и в конце

концов, 31 мая, Немирович, уже уже писал Чехову, в благодарственное письмо за разрешение и сообщить ему, что:

«В «Чайку» действительно и все пишу тех мотивов, по которым режиссер должен провести публику, обойти всеобщую ее рутину».

В августе в театре состоялась репетиция «Чайки».

«Успех «Чайки», писал по этому поводу Немирович - Данченко Чехову, «вопрос моего художественного самолюбия и я занят пьесой с таким напряжением, какое у меня бывает, когда пишу сам».

Премьера «Чайки» состоялась 17 (30) декабря. Надо ли говорить, с каким волнением участники спектакля ожидали его результатов, реакции публики. Все понимали, что на карту поставлено едва ли не самое существование театра, что от успеха или неуспеха пьесы зависит его будущее. Но самолюбивому Немировичу, театр на первом представлении был известен, уже это одно не предполагало ничего хорошего. Повторному провалу в Александринском театре Чехов не хотел повторять, пьеса не должна была провалиться.

Во время первого акта за кулисами было напряженное настроение. О дальнейшем расхождении расхождении в своих воспоминаниях Немирович - Данченко.

«Закрыли занавес, и случилось то, что в театре бывает, может быть, раз в сто лет, за навес спускался занавес; подлая тишина и в зале, и на сцене за занавесом, там как будто все застыло, зрители как будто еще не понимали, что произошло. Такое состояние длилось долго, на сцене уже решено, что первый акт провалился, так провалился, что в зале не осталось даже ни одного друга, который бы рисковал аплодировать. Актеров охватила первая дрожь, близкая к истерике».

И вдруг в зале точно плотина провалилась, точно бомба взорва-

лась, сразу раздался оглушительный взрыв аплодисментов. Всех и друзей и врагов».

Огромным успехом сопровождалась и последующие акты.

«Уже после первого акта», — пишет дальше Немирович, — «на сцену побежали актеры, не участвовавшие в спектакле, и друзья театра... После третьего акта люди обнимались, плакали... По окончании спектакля победа определялась с такой яркой несомненностью, что когда я вышел на сцену и предложил публике поздравить автора, то овации длились очень долго. Новый театр родился».

Лебединая пьеса Чехова

Постановка «Чайки» и создавала тот стиль Художественного театра, который вошел в историю русского сценического искусства, как одно из самых своеобразных и одновременно самых высших его достижений. Постановленный вслед за «Чайкой» «Иванов», а впоследствии «Дядя Ваня» и «Три сестры» утверждали не только этот стиль, но и оказались основой новой драматургии, чеховской. Ее венцом и высшим выражением стал «Вишневый сад», который, увидев, оказался лебединой пьесой Чехова, а его первый спектакль, в присутствии автора, поочередно встречей Чехова с москвичами.

О. А. Книппер в своих воспоминаниях составляет впечатление от двух чеховских премьер, «Чайки» и «Вишневого сада». «Первое представление «Чайки», пишет она, «было торжественным в театре, и первое представление последней его пьесы тоже было торжественным, но как непохожи были эти два торжества. Было беспокойное, в воздухе висело что-то тревожащее. Не знаю, может быть, теперь эти события окрасились так, благодаря всем последующим, но что не было ни ты чистой радости и этот вечер 17 января — это верно...»

Е. Хохлов.